Рождественское чудо

Рассказы современных писателей

Серия «Рождественский подарок»

Издательский дом «Никея»

Рождественский подарок

Коллектив авторов

Рождественское чудо. Рассказы современных писателей

«Никея»
2016

УДК 821.161.1
ББК 84Р7+86.372

Коллектив авторов

Рождественское чудо. Рассказы современных писателей / Коллектив авторов — «Никея», 2016 — (Рождественский подарок)

ISBN 978-5-91761-459-5

В рождественских и святочных рассказах традиционно присутствует чудо. Всякому, кто присмотрится к своей жизни, чудеса станут очевидны, в жизни каждого человека происходит много удивительного: необычайное стечение обстоятельств, такие повороты судьбы, что никак не могли бы произойти случайно. Но самое главное чудо — это преображение человеческой души, духовное перерождение, когда сердце открывается Богу. И это чудо часто происходит в святые рождественские дни.

УДК 821.161.1
ББК 84Р7+86.372

ISBN 978-5-91761-459-5

© Коллектив авторов, 2016
© Никея, 2016

Содержание

Предисловие 6
Владимир Гурболико в 8
Черепашка 8
Вера Евтухова 9
Голуби 9
Андрей Мерзликин 11
Однажды на Рождество… 11
Подистова Лариса 12
Рождество, мама 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Рождественское чудо
Рассказы современных писателей
Составитель Татьяна Стрыгина

© Издательский дом «Никея», 2016

***

Предисловие
Чудеса сегодня

Разговор о чудесах, имевших место две тысячи лет тому назад (или еще раньше, если мы говорим о ветхозаветных чудесах), будет не закончен, если мы не попытаемся перебросить мост между «тогда» и «теперь».

Если тогда совершались чудеса, то совершаются ли чудеса ныне? И какие чудеса? И в каком случае совершаются?

Чудо – это знак Любви Божией. Господь хочет, чтобы мир, сам свободно отошедший от него, свободно и вернулся. Чтобы люди грешащие изменились – покаялись и обновились. Поэтому Господь не переполняет мир чудесами. Мир не должен быть принужден к вере поражающими воображение событиями.

И все же чудеса есть. Не быть их не может, так как мир наш все же ведом Богом, он чадо Божие.

Но где, где эти чудеса?.. Они сокрыты для неверующего, однако всякому, кто присмотрится к своей жизни, станут очевидны.

Нужно учиться видеть чудесное. Можно всю жизнь быть носимым Богом на руках – и этого не знать, вернее не обращать на это внимания.

Неверующие люди помощь Божию исключают. Для верующего человека – она несомненна. Внимательно присматриваясь к своей жизни, к жизни близких и знакомых, мы не можем не увидеть, что иное стечение обстоятельств, иная случайность или поворот жизни как будто бы вдохновлены Свыше, как будто несут на себе печать личного участия иных, неземных сил в нашей судьбе.

Мне, как священнику, практически ежедневно приходится общаться с людьми, которые молятся, то есть просят Господа, Божию Матерь и святых о помощи, поддержке, вразумлении. Могу засвидетельствовать, что такая помощь приходит и молящиеся получают просимое гораздо чаще, чем это может произойти случайно.

Когда мы молимся о чем-либо Богу, мы, смиренно понимая, что не можем объять своим разумом все бездны замыслов Божиих, ориентируясь в этом отношении на Господа нашего Иисуса Христа, добавляем:

«…впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26: 39). И мы верим, что, даже если наша молитва Богом не исполняется, это не значит, что Он ее не слышит. Бог слышит любую молитву, просто лучше, чтобы произошло что-то не так, как мы хотим в данный момент.

Христиане умеют доверять Богу… Собственно, разве не этому нас учит основная христианская молитва – «Отче наш»? «Да будет воля Твоя яко на Небеси и на земли», то есть «да будет воля Твоя как на Небе, так и на земле». О даровании нам абсолютного доверия Богу, об укреплении нашей готовности исполнять волю Божию мы и молимся ежедневно.

Чудеса, силою Божией, силою Христовой, совершаются изобильно и сегодня. Люди исцеляются, неведомым образом избегают опасностей, в их жизни происходит невероятное стечение обстоятельств. Если человек внимателен к своей жизни, он не может этого не заметить.

Для меня как для священника есть и еще одно чудо – чудо воскрешения души, чудо духовного возрождения. Чаще всего происходят именно такие чудеса. Чудо для христианина – не сверхъестественное, поражающее воображение действие. Для христианина вся его жизнь – чудо, потому что эта жизнь – жизнь перед лицом любящего Небесного Отца.

Пусть чудес пока мало. Пусть мир неохотно поддается исцелению, плохо слышит слово Божие и не спешит его исполнять. Все это до времени. Некогда Бог придет в мир, чтобы его преобразить. Навсегда приобщить к Себе. И то, что кажется сегодня чудом, станет нормой,

потому что Небо живет по своим законам, по законам послушания Богу, и не знает болезни и смерти.

Ей, Господи, гряди!

Протоиерей Константин Пархоменко

Владимир Гурболико в (Род. 1965)

Черепашка

У всех зимние праздники проходят по-раз ному: кому-то новогодние подарки приносит Дед Мороз, кому-то – родители, а в нашей семье дети получают подарки не на Новый год, а на Рождество – этот праздник им ближе и понятнее… И подарки им приносят ангелы. Однажды рождественским утром, когда детям было около четырех или пяти лет, под елкой их ждал настоящий сюрприз: они там нашли живую черепаху, прямо в террариуме. Так в семье появилось еще одно живое существо.

Но спустя примерно полгода произошла беда. В августе на даче черепашка убежала и бесследно куда-то исчезла. До самой поздней осени ее пытались искать, но так и не нашли. И тогда взрослая часть семьи поняла, что черепаха, скорее всего, погибла… Известно, что черепахи в принципе очень теплолюбивые животные, и те, кто держит животное просто на полу у себя дома, совершают ошибку. Этим домашним питомцам все-таки требуется больше тепла – например, специальная ультрафиолетовая лампа, которая помогает добрать солнечного света, так необходимого черепашке… Пережить русскую зиму сложно, и даже если она вдруг где-то устроилась на зимовку, угроз вокруг слишком много – черепаха могла погибнуть от холода, оказаться добычей местных одичавших собак или даже каких-то хищников из лесов вокруг дачи… Она могла просто убежать так далеко, что ее никогда бы не нашли. То, что черепахи якобы медлительны, – миф: в природе они иногда проходят многие десятки и даже сотни километров. Так что взрослые в семье мысленно с этой черепашкой попрощались… Но не дети! Каждый вечер перед сном они молились о ней и просили, чтобы Бог эту черепашку сохранил и помог ей пережить зиму.

И вот почти через год, в мае, нашу черепаху нашли соседи по даче! Как только солнышко пригрело, она выползла на свет – напуганная, побитая, с болячками, но живая!

Произошло маленькое рождественское чудо – по искренней детской вере. И рождественский подарок так и не был отнят – возможно, благодаря той детской молитве. Прошло уже много лет, а черепашка все еще в нашей семье: греется под лампой, вовсю кушает салаты и всех нас радует.

Вера Евтухова
(Род. 1970)

Голуби

Эта история случилась зимой, незадолго до Рождества, с самым маленьким прихожанином нашего храма – Мишей, у которого тяжело болел дедушка.

Однажды я стала замечать, как после начала литургии малыш, постояв немного возле мамы, выходит на улицу и садится на церковной лавочке, деловито смотрит на часы, достает хлеб и… начинает кормить дружную ватагу голубей. Сидящие рядом приходские бабушки стараются отвлечь малыша, помочь скоротать время ожидания матери, но он лишь отодвигается к краю лавочки. И снова кормит голубей. И так до конца литургии. Затем они с мамой уходят домой.

Как-то раз я опоздала на литургию и, заехав в церковный двор, снова увидела Мишу, одиноко сидящего на краю скамейки. Малыш, видимо, тихонько молился, потому что его губки слегка шевелились. Увидев меня, мальчик спросил: «Тетенька, хлебушка у вас нету ради Христа?» Сколько теплоты и веры было в его голосе! Хлеба, увы, у меня не было, но зато появился повод расспросить о том, почему он постоянно выходит из церкви и садится на эту лавочку. Миша сел рядом со мной и сказал:

– До конца еще двадцать минут, а я не закончил.

– Что не закончил, Мишенька?

– Да доброе дело… – вздохнул он.

– Да о каком же деле ты говоришь и какие двадцать минут? – недоумевала я.

– Литургия Боженьке, у меня уже хлебушка нет, а мне нужно, – серьезно произнес мальчик, вскинув на меня свои голубые глазки.

– Зачем тебе хлебушек?

– Кормлю голубков.

– Молодец. Это очень хорошо.

– Нет, не очень. Хлебушка не хватает.

– А почему ты это делаешь, Мишенька?

– У Боженьки много дел, поэтому мало чудес.

– О каком же чуде ты молишься?

– Я молюсь и кормлю голубков, чтоб у Боженьки было время вылечить моего дедушку!

Мои глаза увлажнились. Мне нечего было сказать этому маленькому воину Христову с такой большой верой в душе. Я спросила только:

– А без этого, думаешь, Боженька тебя не услышит?..

– Не знаю. Он сказал, что если я верю, то должен работать. Я маленький еще, но голубков могу кормить и маме помыть чашки.

Этот разговор с мальчиком я теперь всегда вспоминаю в предрождественские дни. Ведь самое настоящее чудо Рождества – то чудо, которое происходит в человеческом сердце.

Андрей Мерзликин
(Род. 1973)

Однажды на Рождество…

Однажды на Рождество мама предложила сходить в храм недалеко от дома. Просто зайти, постоять. Зашли. Стоим. И вдруг я вижу, как пожилой священник делает мне знак рукой: мол подойди. Я решил, что, раз зовут, надо подойти, мало ли что человеку нужно. Подхожу – и понимаю: священник, судя по всему, предполагает, что я пришел исповедоваться. А я ничего даже сказать не могу. О чем? Да и зачем? Я вообще об этом не думал. Но священник оказался опытным и начал говорить сам – за меня. И… я с трудом сдерживал слезы. Все, что батюшка говорил, стопроцентно в меня попадало. Буквально в каждую мою мысль, которая меня тревожила. То, что я сам для себя никак не мог сформулировать, священник выразил очень четко и назвал вещи своими именами. Он угадал даже то, что я не мог никому рассказать. Во время этой исповеди я сам не сказал ни слова. И в этот вечер впервые в жизни причастился. И потом после службы мы еще долго стояли и с этим батюшкой разговаривали… Тот груз, который я в себе носил, – его вдруг не стало. И тут бы мне сказать: «Я переродился, началась новая жизнь». Но нет. Жизнь как раз осталась прежней. Через месяц я стал тем же самым Андреем, которым был раньше.

Подистова Лариса
(Род. 1967)

Рождество, мама

Мать у Сереги всю жизнь была учительницей в начальных классах. Серега ее даже после школы побаивался: все-таки мать-учительница – тот еще коктейль. Да еще и характер у нее был кипучий, минуты не могла спокойно усидеть на месте.

А потом она вдруг как-то сразу состарилась, что очень удивило и Серегу, и ее саму. То, что еще недавно делалось ею шутя, вдруг оказалось тяжело, а то и просто непосильно, и ей приходилось звать кого-нибудь на помощь. Мать раздражалась, ворчала, ругалась на Серегу, на Наташку, на внуков. Макс, старший, огрызался в ответ, мать обижалась и плакала. Сереге было ее жаль до сосущей грудной тоски, но ведь время назад не повернешь…

Потом неожиданно выяснилось, что мать крестилась. К ней стали ходить старушки, жившие по соседству, носить иконы и бутылочки со святой водой, а сама она то и дело заглядывала в церковь и ставила свечки. Серега хотел поначалу пошутить: ты чего, мол, мать, всю жизнь в партию верила, а на старости лет к классовым врагам переметнулась? Потом решил промолчать. Ведь, если подумать, на что еще пожилой женщине полагаться в этой жизни? Особенно, если муж давно умер, а у детей свои заботы. И потом, бывают обстоятельства, когда мужик просто бессилен, вот как сейчас. Пусть себе делает что хочет. Серега только наказал Наташке следить, чтобы бабульки не лезли со своими разговорами к детям, и все.

* * *

Так они и жили в одной квартире: у молодых свой уклад, современный, а у матери в комнате пахнет ладаном и воском, лампада мерцает перед большеглазыми худощавыми ликами, и на тумбочке у самой кровати лежат деревянные четки. Словно и не двадцать первый век на дворе.

А в конце ноября мать слегла. Разом, как будто только этого и ждали, навалились болезни: то сердце, то давление, то почки, то прединсультное состояние… Видно было, как силы ее день ото дня тают. И ведь не старая совсем – семьдесят три года, другие в этом возрасте еще бегают. Наташка взяла отпуск, хлопотала вокруг нее…

Серега, понятное дело, дома сидеть не мог, в автобазе работа почти как на войне: то одно, то другое. Как раз перед новогодними праздниками три МАЗа, которые были посланы в область развозить подарки по детским домам и школам, застряли в Осино из-за снежных заносов. Моисеенко, старший из шоферов, звонил и просил денег, говорил, что бесплатно их кормить не хотят. Серега подозревал, что деньги нужны были не на еду, а совсем для других целей, но по правилам полагалось выслать. Пришлось идти разбираться с бухгалтерами – удовольствие небольшое, если учесть, что главной бухгалтершей работала жена Моисеенко и ее мнение насчет того, зачем мужу понадобились деньги, полностью совпадало с Серегиным. Кое-как решили это дело, оставалось ждать погоды. Серега каждый вечер смотрел прогноз и скрипел зубами, когда теледикторша, приятно улыбаясь, раз за разом сообщала: «На юго-западе нашей области – метели, снегопады…»

Ну, и другие проблемы, конечно, тоже были.

Дня за три до Нового года мать совсем перестала вставать. Лежала тихая, равнодушная, узнавать всех узнавала, но, если о чем спрашивали, ничего связного в ответ сказать не

могла. Наташка испугалась и вызвала участкового врача. Врачица пришла энергичная, румяная с мороза, осмотрела мать и, выйдя в другую комнату, бодро сказала:

– Похоже на микроинсульт. Сосуд небольшой лопнул, отсюда и нарушения речи. Ну, что вы хотите – человек угасает. У одних это раньше происходит, у других позже. Да еще и такой букет болезней!

– Так ведь делать что-то надо, – заикнулась Наташка. – Может, лекарств каких купить? Деньги есть…

Врач поглядела на нее с жалостью.

– Я вам их могу пачки навыписывать, и импортных, и каких хотите. Сейчас человека можно годами на медикаментах держать. Думаете, ей это нужно? Вы же сами видите, у нее интереса к жизни уже никакого. Принимайте все как есть, лучше уже не будет. Купите мазь от пролежней, продолжайте давать фурадонин, пирацетам… И с боку на бок ее почаще переворачивайте, чтобы циркуляция не нарушалась. Глядишь, еще месяц-другой протянет. По крайней мере в праздники хоронить не придется.

Серега, узнав про такие дела, долго сидел на кухне, курил в форточку и думал. Дым неохотно выползал из теплого дома в темное морозное небо. Было как раз время «собачников», и то и дело вечернюю тишину прорезал звонкий лай какой-нибудь шавки, которую вывели погулять.

За последнее время Серега как-то притерпелся к мысли, что матери осталось недолго. Разговоры у них происходили редко и получались однообразными: как дела, нормально, как себя чувствуешь, нормально, хочешь чего-нибудь, не хочу… Поэтому он уже смирился с тем, что однажды ее не будет рядом. Вообще не будет на земле. И все равно – то, что это произойдет так скоро, выбило его из колеи.

Он пытался представить опустевшую комнату матери. Делалось холодно, и почему-то казалось, что даже в этой пустой комнате будет все равно витать запах лекарств или ладана – для Сереги и тот и другой были запахами болезни и смерти. Еще его угнетало, что придется писать о смерти матери старшей сестре Тоне.

* * *

Тоня жила на другом конце России, в Курске. Когда-то муж-майор вдоволь повозил ее по стране и по миру. Была она и в Чехии, и в Германии, и еще где-то, пока отовсюду не вывели российский контингент. Майор был неплохой мужик, но, к несчастью, слабый до выпивки. Возвращаясь домой после одной офицерской вечеринки, он куда-то не туда свернул, и наутро его нашли замерзшим далеко в пригороде. Тоня в ту пору уже болела ревматизмом и, когда случались обострения, передвигалась с трудом. У нее был один сын, тоже военный, неженатый, который исправно помогал деньгами, но все время был в отлучках. Большую часть времени она жила одна. Серега тоже иногда слал ей деньги, звал назад в Сибирь, но ей больше нравился Курск.

Изредка они друг другу звонили, но чаще обменивались письмами по прежней моде, которая в современной жизни, кажется, сходила на нет. Из переписки Серега знал, что сестра, как и мать, с горя обратилась в веру, поставила в доме иконы, читает по вечерам Библию и все такое.

Серега представлял, как он садится писать сестре письмо. В какие слова можно будет уместить то, что должно случиться? «Тоня, мама умерла». Или: «Тонечка, померла наша мама». Так просто и сухо, как будто не человек ушел, а бумажная кукла порвалась. Два-три словечка – и все, так получается? А ведь это целая жизнь была, которая задолго до их с сестрой появления на свет началась. И сколько в ней для них неизвестного, и так ему теперь и оставаться

неизвестным… А про похороны как писать? Тонька вообще слезами обольется. Скажет: что же ты, Сергуня, не мог для родной матери выражений потеплее подобрать? Беда, одно слово.

Серега курил, вздыхал. Лучше все-таки написать, чем по телефону. На похороны Тоня приехать не сможет, она в магазин и то соседей просит сбегать. Письма теперь быстро ходят – дня три, и все… Пусть там у себя помолится, или что там у них, христиан, положено делать. Ну, да это потом, а сейчас… Эх, мамань, что же ты так торопишься-то, а? Пришла Наташка, обняла. Она у Сереги была понимающая, спокойная, не то что некоторые. Ему иногда странно было слушать, как другие мастера или водители в автобазе говорили про своих жен: как будто не домой после работы собирались, а в пещеру с тигром-людоедом. Наташка скандалов не закатывала, даже когда Сереге случалось прийти домой навеселе. Обижалась иногда, конечно, но быстро отходила. Серега ее тоже старался беречь.

Постояли немного, обнявшись и не говоря ни слова. Да и что скажешь? Когда чужие старики умирают, и то жалко. А тут – родная мать.

* * *

Новый год в этот раз получился совсем тихим и каким-то бестолковым. Мишка, младший сынок, четырехлетний, конечно, радовался конфетам в детсадовском подарке. Долго не шел спать, все хотел дождаться, когда Дед Мороз нагрянет, чтобы положить под елку сюрприз посолиднее. Наконец заснул, забравшись под одеяло в рубашке и штанах: видно все-таки собирался тайком подсматривать в щелочку. Четырнадцатилетний Макс, поскучав некоторое время с родителями, сразу после двенадцати ушел к друзьям. Мать, намучившись за день, спала после таблетки снотворного. За столом, на котором хватало и закусок, и солений, и всего, что хочешь, остались только Наташка с Серегой. Посидели еще с часок, вяло переговариваясь и поглядывая на мелькающую пестроту в телевизоре.

В душе было пусто и тихо, совсем не празднично.

– Сидим, как на похоронах, – попробовала было пошутить Наташка, но тут же осеклась.

Серега махнул рукой.

– А Новый год для нас теперь и есть похороны. Еще один год своей жизни профукали. В детстве хотелось вырасти поскорее, вот мы и радовались: опять Новый год, Дед Мороз, ах-ах! Ждали чего-то… А теперь – чего ждать? Все подарки, можно сказать, уже получены.

– Скажешь тоже! – укорила жена. – У тебя двое детей растут. Дождешься еще подарков, не волнуйся!

– Да я чего? – смутился Серега, понимая, что последние несколько дней он был слишком занят своими мыслями и сыновьям не больно-то уделял внимание. – Пусть растут. Там поглядим.

* * *

Не ожидали, но после праздников матери стало лучше. Она полусидела на кровати, улыбалась, хорошо ела. Смеялась, когда Мишка, радуясь бабушкиному вниманию, катал по ее одеялу подаренный Дедом Морозом гоночный автомобильчик. С речью, правда, проблемы только усилились – мать что-то лепетала, но что, почти нельзя было разобрать. Лицо у нее заметно похудело, и глаза на нем казались больше, блестели заметнее.

– Надо, наверное, священника позвать, – задумчиво сказала Наташка однажды за обедом. Была суббота, выходной. – Раз она верующая… Что у них вообще положено делать, когда человеку уже немного осталось?

– Я-то почем знаю? Придут ее знакомые бабульки, спроси.

Как по заказу, две старушки уже топтались на пороге. Посидели с больной, поговорили с Наташкой и вдруг направились к Сереге.

– Рождество скоро, – начала одна без долгих предисловий. – Сегодня уже четвертое января.

– И чего? – буркнул Серега, откладывая газету. Он не знал, как разговаривать с этими женщинами, их всегда принимала и поила чаем Наташка.

– В храм бы маме вашей, – просительно вступила другая бабулька. – На всенощную…

– Да вы думаете, о чем говорите? – возмутился Серега. – Какая всенощная? Она из дому уже два месяца не выходит!

– Так ведь ненадолго, на часок всего! Мы вам и креслице на колесах раздобудем. Ирочке хорошо будет, вот увидите. Она так всегда праздничные службы любила…

– Угу, а обратно ее на «скорой» доставят? Зовите попа на дом, если надо, но везти ее я никуда не дам. Вы, может, уже с десяток таких подружек схоронили, а у меня мать одна.

Серега и сам понял, что сморозил что-то не то, но уж очень его разозлило их предложение.

Старушки хоть и заметно погрустнели, упрямиться не стали. Быстро попрощались и ушли. Серега пробовал еще почитать, потом с досадой отложил газету. Зашел к матери. Наташка как раз взялась ее кормить обедом, уговаривала, как ребенка:

– А вот еще ложечка… И еще разок рот откроем…

Мать слушалась. Суп иногда проливался ей на подбородок, капли скатывались на клеенчатый передник в мелких веселых розочках.

Серега оторвал взгляд от лица матери и посмотрел выше, где на стене красовались в узких деревянных рамках несколько фотографий. Мать была на них молодой, полной сил. На почетном месте висел самый старый снимок – самый первый ее класс, лет пятьдесят назад. Рядом – более поздний: какой-то слет учителей еще в советские времена. Вот мать ведет урок математики – на доске за ее спиной прикреплены пять раскрашенных бумажных груш. Вот она с бывшими выпускниками, которые уже на голову-полторы выше ее… Серега вздохнул так глубоко, что заболело сердце, и тихонько вышел.

На ковре в гостиной сидел Мишка и возил руками в ящике с кубиками. Кубики гулко ворочались, бились о фанерные стенки, некоторые выскакивали и падали на пол. С каждым новым вылетевшим деревянным бруском сын издавал торжествующий крик. Видно, в том и был смысл его игры, чтобы выбросить из ящика как можно больше кубиков. Отца он даже не заметил. Серега позавидовал сыновней беззаботности. Пусть, пока маленький, порадуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.